
ПРОЦЕДУРЫ СБОРА ДАННЫХ

ДНЕВНИКОВЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Б.С.Гладарев

(Санкт-Петербург)

В статье приводятся результаты пилотажного исследования¹, обосновываются преимущества и недостатки данного метода, а также выдвигаются предположения о перспективах его возможного использования в совокупности с другими качественными методами.

Ключевые слова: дневниковый метод, сетевой анализ, персональная сеть, качественные методы, микроуровневая социология, режим повседневности.

Перспектива сетевого анализа

Прежде чем приступить к описанию дневникового метода, нужно определить, что в данном случае является объектом его применения, иными словами, что такое социальная сеть?

В российской дискуссии тема социальных сетей появилась относительно недавно. После публикаций нескольких переводных работ [1-2] появились интересные и разноплановые статьи оте-

---

¹ В рамках проекта «Организация повседневности и воспроизводство социальной структуры в России (на примере Санкт-Петербурга)», проходившего в 1999-2000 годах при поддержке Deutsche Forschungsgemeinschaft, был осуществлен пилотажный подпроект «Возможности применения дневникового метода при исследовании социальных сетей». В задачи подпроекта входила апробация нового для российской социологии дневникового метода. Результаты этой работы представлены в данной статье.

чественных авторов [3-5]. Причем тема рассматривалась из разных перспектив. Отсутствует единство даже в отношении определения понятия «социальная сеть».

В словаре Ожегова в третьем значении: «сеть - система коммуникаций, расположенных на каком-нибудь пространстве (примеры: железнодорожная сеть, электротехническая сеть, газовая сеть, телефонная сеть)», в четвертом: «сеть - совокупность расположенных где-нибудь однородных учреждений, организаций (примеры: торговая сеть, курортная сеть, школьная сеть)» [6, с. 636]. Как в этом контексте понимать словосочетание «социальная сеть»? Здесь, нам кажется, необходимо обратиться к такому течению в социологии, как социально-сетевой анализ, где оно было освоено и развито из метафоры в термин.

Следуя Джону Скоту, социально-сетевой анализ (Social Network Analysis) начал свое развитие на базе работ одного из основателей структурного функционализма, антрополога А.Р.Радклифф-Брауна. В новом социологическом течении большое значение получили его концепции социальной структуры, а также использование его метафор «ткань» («fabric») и «паутина» («web») социальной жизни. Постепенно, исходя из этих метафор, нацеленных на понимание «вплетения» и «взаимосвязи» отношений, через которые организуются социальные действия, на передний план вышла метафора «социальной сети» («social network»). Однако с 1950-х годов небольшая группа социологов (впоследствии ставшая известной как Мичиганская школа социально- сетевого анализа¹) начала создавать более формальные переводы метафор, а с начала 1970-х годов появилась лавина работ, где метафоры употреблялись в специальных значениях. От этих научных работ произошли ключевые концепты социально- сетевого анализа [7, с. 4-5]. Мы используем широкое трактование термина «социальная сеть»,

---

¹ Наиболее значительные работы этой школы принадлежат Джону Барнсу (см., например, [17]) и Элизабет Ботт (см., например, [18]).

где она определяется как «множественность точек (или членов социальной системы)¹ и совокупность связей, изображающих взаимосвязь этих точек» [8, с. 4]. Дискуссии о контексте, в котором можно применять этот термин, еще продолжаются. Социально-сетевой подход не превратился в единую парадигму, его приверженцы часто опираются на различные концепции и методы, поэтому сетевой анализ скорее являет собой «свободную федерацию подходов» [10, с. 131]. Однако Уэллман находит в современных подходах структурно- сетевого анализа некоторые общие черты:

1. Поведение интерпретируется скорее исходя из структурного давления на деятельность акторов, чем в терминах внутренних сил субъектов.

2. Аналитический фокус направлен на отношения между единицами (акторами — *Б.Г.*) вместо попыток сортировать единицы в категории, определенные внутренними постоянными этих единиц (например: доход, образование — *Б.Г.*).

3. Основной анализ нацелен на понимание того, как образцы отношений между разными членами сети совокупно влияют на их поведение (то есть одновременно рассматриваются не только отдельные интеракции, но и их сумма — *Б.Г.*).

4. Структура трактуется как сеть сетей, которая может быть, а может и не быть разделена на отдельные части. Это не допускает а priori, что сильно разделенные группы существуют замкнуто, являясь строительными блоками структуры.

5. Аналитические методы некоторых направлений (сетевого анализа — *Б.Г.*), основанные на относительной природе социальной структуры, дополняют, а иногда и вытесняют принятые статистические методы, которые требуют независимости единиц анализа [8, с. 20].

Таким образом, сетевой анализ концентрирует свое внимание на относительной природе социальной структуры и на ее внут-

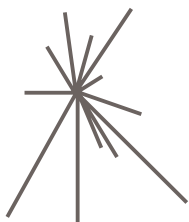
---

¹ Точки (или члены социальной системы) в представлении сетевого анализа могут обозначать «личность, группу, организацию, вещь, событие и т.д.» [9, с. 1447].

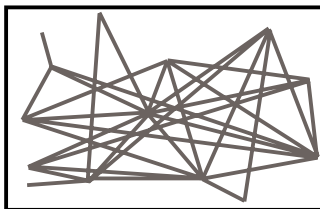
ренных взаимосвязях, отличаясь от породившего его структурного функционализма, ориентирующегося, в большей степени, на изучение институтов и социальных структур, часто рассматривая их как безотносительные и изолируя их друг от друга. Нельзя не отметить, что в основе перспективы социально-сетевоего анализа все же лежит именно структура, и исследователи, работающие в рамках этого подхода, склонны объяснять действия актора больше исходя из структурного давления на его поведение, чем из личных мотивов и способов восприятия социальной реальности. Хотя в последние годы критика, основанная на тезисе, что сетевой анализ не учитывает субъективный потенциал действий акторов, привела к тому, что сейчас «сетевой анализ часто находит желательным проведение исследования на двух уровнях: индивидуальном и групповом,.. поскольку природа групп определяется пересекающимися в них акторами, а природа акторов зависит от пересекающихся в них [самих акторах — *Б.Г.*] групп» [9, с. 1417-1418]. Такого рода перспектива дает возможность понять через социальные сети актора как его частный способ взаимодействия с социумом (микроуровень), так и некоторые социальные механизмы существования самого общества (макроуровень).

Социальная сеть может быть рассмотрена как целая («whole network»), где описываются полные структуры ролевых отношений в социальной системе [8, с. 26], то есть рассматриваются одновременно сети целого сообщества ограниченного общей, часто формальной, рамкой (например, межличностные связи сотрудников кафедры социологии; в принципе, как whole network может пониматься и общество в целом). Социальная сеть может быть рассмотрена и как персональная (у некоторых авторов - эгоцентрическая) сеть («personal network»), где описываются «актор, акторы, с которыми он имеет взаимоотношения, и отношения между этими акторами» [9, с. 1448], то есть рассматриваются лишь персональные связи одного актора и изучаемая сеть ограничивается неформальными рамками личных связей только одного ак-

тора (см. рис. 1 и 2, где точки символизируют акторов сети, а линии изображают связи между ними).

Рис. 1. Персональная сеть

Рис.2. Целая сеть

И в той и в другой перспективе исследование социальных сетей имеет практическое значение, поскольку в результате можно определить роль социальных связей, их влияние на процесс социализации, самоидентификации и на механизмы социального действия. Это способствует более глубокому пониманию не только интерактивной деятельности акторов, но и социальной структуры в целом. Исследуя, например, направления использования акторами персональных сетей, возможно увидеть, какие социальные институты они (сети) подменяют.¹

Дневник как один из методов изучения социальной сети

Практически все социологические методы применимы для исследования социальных сетей. И анкетирование, и интервью, и участвующее наблюдение, и анализ документов используются для сбора данных о сетях. Однако выбор метода во многом зависит

---

¹ В России, например, социальные сети во многом компенсируют фактическое отсутствие эффективного института трудоустройства. Типичной стратегией является поиск работы через сеть. Это было зафиксировано и в нашем исследовании, а также отмечалось другими социологами [11, с. 329; 12, с. 87; 13, с. 38].

от объекта исследования. В нашем случае это персональные сети представителей «советского среднего класса», то есть тех людей, которые до перестройки, исходя из «символических критериев» уровня образования, профессии, дохода и места проживания, составляли средний класс советского общества¹.

К примеру, Джон Скот описывает применение вопросников при изучении дружеских выборов. При этом респондентов просят идентифицировать их друзей, используя вопросы типа: «Пожалуйста, назовите своих четырех ближайших друзей?» Конечно, - отмечает он, - появляются методологические проблемы с такого рода исследованиями [7, с. 4].

Интервью, особенно в слабо структурированной форме, дает более широкую, комплексную картину социальной сети информанта. Но при этом информант часто опускает или просто забывает некоторые фрагменты в своей интерактивной деятельности.

Кроме того, поскольку данные интервью являются дискурсивными, то исследователь в значительной степени анализирует презентацию социальной сети, в которой отражается субъективное восприятие актора, определенное его состоянием, памятью и другими, не поддающимися анализу, субъективными факторами.

«Участвующее наблюдение - единственный метод, который... создает наибольшую возможность для изучения процессуального характера социальной жизни» [14, с. 182]. Кажется что этот, один из основных методов «микроуровневой» социологии, мог бы помочь в получении данных о персональной сети лишенных дискурса объектов исследования. Но трудно себе представить инди-

---

¹ Следуя рамкам проекта «Организация повседневности и воспроизводство социальной структуры в России» к советскому среднему классу были отнесены люди, являющиеся представителями шести массовых профессий (врачи, кадровые военные, инженеры, учителя, ученые и чиновники) и, соответственно, имеющие определенный уровень образования, опыт жизни в крупном городе и схожий возраст (40-50 лет), чтобы иметь возможность сравнивать свою повседневную жизнь в советское время и повседневность в посткоммунистической России.

вида, способного допустить присутствие исследователя при всех своих социальных контактах. Участвующее наблюдение влияет на поведение наблюдаемого и вносит искажения в собираемые данные.

Анализ документов как метод изучения персональной сети лишен многих недостатков рассмотренных инструментов сбора данных. Документы жизни индивида, такие как телефонные книжки, альбомы фотографий, списки приглашенных гостей, адреса электронной почты могут предоставить множество уникальной информации о социальных отношениях и связях индивида. Единственный недостаток этого метода - естественная фрагментарность получаемых данных, поскольку далеко не каждый имеет упорядоченную личную документацию, к тому же возможный доступ к ней исследователя наверняка будет ограничен.

Использованный нами дневниковый метод сбора данных о персональной сети во многом схож с методом анализа документов, но при этом избегает его фрагментарности. Дневник, то есть определенным образом схематизированная форма для занесения информации о повседневных контактах самим информантом, использовался нами для регистрации повседневных контактов актора сети и имел следующую форму из шести блоков¹.

- Время контакта (день и примерное время контакта).
- Длительность контакта (сколько времени продолжалась интеракция).
- С кем был контакт (указывается лицо, с кем у информанта происходила интеракция, причем способ обозначения этого лица выбирал сам информант, главное, чтобы разные агенты сети отличались друг от друга: например, «Саша- компьютерщик», «Саша Вес.» или «С.» должны были быть тремя разными «Сашами»).
- Инициатор контакта (я, он/она, оба/все, ненамеренный контакт).

---

¹ Мы использовали форму дневника, примененную нашими финскими коллегами для изучения социальных сетей учителей Санкт-Петербурга и Хельсинки [15], они, в свою очередь, использовали работы Маурисио Грибальди [16], опирающиеся на опыт Фредерика Барта, который первым применил дневник для изуче-

- Место встречи - пространственные координаты интеракции и форма контакта - способ коммуникации (дома/в метро; телефон, письмо, факс, e-mail и др.).

- Содержание и обстоятельства контакта (Подробно опишите, что Вы делали, в какой обстановке это происходило, чем сопровождалось. например: разговаривал(а) с женой/мужем о здоровье ребенка за обедом и т.п.).

Перед заполнением дневника с информантами проводился подробный инструктаж по его заполнению. Они должны были ежедневно, в течение двух недель, заносить туда по возможности все свои контакты, в которых они не ограничивались приветствиями или уж совсем малозначимыми разговорами. Дневники заполнялись или в течение дня, или вечером по памяти.

Преимущества и недостатки дневникового метода

Дневниковый метод ориентирован на наблюдение за индивидом и его повседневной жизнью. Используя дневник, мы получили большое количество информации о композиции сети информанта, о многообразии функций его социальных связей, о частоте и содержании его контактов.

В течение двух недель шесть информантов (два инженера (ж; 1950 г.р. и ж; 1941 г.р.), два ученых (ж; 1949 г.р. и м; 1955 г.р.), чиновник (м; 1952 г.р.) и врач (ж; 1957 г.р.)) каждый день заполняли вышеописанную форму дневника. В ходе анализа полученных материалов были выявлены недостатки, присущие дневниковому методу. В частности, двое из наших информантов недостаточно аккуратно записывали содержание своих разговоров или же вообще забывали упомянуть в дневнике об обыденных, с их точки зрения, неважных контактах. Это произошло, несмотря на подробный инструктаж в начале работы, и периодические контрольные звонки по телефону, что позволяет нам считать возможности воз-

---

ния социальной сети [17]. Количество блоков и форму дневника можно, конечно, варьировать в зависимости от целей исследования.

никновения такого рода небрежностей недостатком, свойственным самому методу. Кроме того, из-за ограниченного срока заполнения дневника, многие значимые элементы сети просто не попадают на его страницы. Другой особенностью дневниковых данных является то, что они, как и интервью, пронизаны субъективностью информанта, сеть в них, во многом, презентуется. Вместе с тем уровень дискурсивности дневниковых данных ниже, чем данных интервью, поскольку структура интервью более диалогична, что влечет за собой большую потребность в презентации информации. И последнее: исходя только из данных дневника, можно определить частоту связей и, отчасти, их функциональное назначение, но нельзя получить информацию о сетевых ролях акторов, составляющих персональную сеть информанта¹.

Вместе с тем, целый ряд слабых мест дневникового метода удалось нивелировать. После анализа данных дневников, который заключался в реконструкции композиции сети, определении функций различных связей и частоты контактов, было проведено лейтмотивное интервью, где дневник выступал в качестве «лоции», помогающей интервьюеру ориентироваться в социальной сети информанта. Фактически мы использовали дневник как документ о сети информанта, содержащий базовые сведения. Предварительный анализ (время, частота, содержание, функции контактов) способствовал тому, что лейтмотивное интервью, опирающееся на уже имеющиеся данные, дополнило картину социальных контактов информацией о сетевых ролях членов социальной сети информанта, придало его сети историческую перспективу, а также включило туда людей, принадлежащих сети, но по разным

---

¹ Возможно это произошло вследствие несовершенства формы дневника: финские социологи, например, получили эти данные за счет специального блока, в который информанты заносили биографические данные о членах своих сетей [15], мы в начале проекта, опробовав форму дневника на себе, посчитали этот блок слишком трудоемким.

причинам не попавших в дневник. Интервью представило возможность использовать его текст для дискурсивного анализа рассказов о членах персональной сети. Этот прием был направлен на прояснение вопроса о социальных ролях акторов в сети, на реконструирование субъективного взгляда информанта на композицию его сети. Тем самым мы получили возможность сравнить зафиксированные в дневнике повседневные интеракции с дискурсивными конструкциями интервью. Например, в дневнике чиновника (м; 1952 г.р.) мы обнаружили, что информант на протяжении двух недель три раза контактировал с неким «Б.», в скобках было пояснено: «коллега». Исходя из дневника, их интеракции сводились к разговорам о семейной жизни Б., о литературе (В.Пелевин) и о литературных журналах. Разговоры проходили на работе в течение рабочего дня, на протяжении 40-45 минут каждый. Во всех трех случаях инициатором контактов являлся «коллега Б.» Эта информация позволяет нам делать предположения о рабочем режиме информанта, о качестве отношений с коллегами, но не дает возможности понять роль отмеченного в дневнике агента сети «Б.» Зато мы можем восполнить эти данные через лейтмотивное интервью.

Вопрос: Так, следующий у нас Б. Это не тот, которого я видела? Когда я приходила забирала дневник, ты с ним еще водку выпивал, с ним?

Ответ: Ну, больше не с кем, да.

Вопрос: Тут, судя по дневнику, он довольно часто тебя донимает рассказами о перипетиях своей личной жизни?

Ответ: У него сейчас обострилась личная жизнь. Дело в том, что с Б. я работаю больше 10 лет вместе.

Вопрос: Да?

Ответ: Мы с ним работали на предыдущем месте. И у него сейчас такой критический возраст, такой, понимаешь ли, приближается где-то к сорока (неразб.: рассуждает, насколько Б. его младше). Вот, где-то лет 35 ему тут должно быть, и у него роковой возраст, когда он начал сомневаться, так ли он живет. Начал интересоваться вдрут, появились у него какие-то романы на стороне и его это очень волнует, и... очень забавно с ним на эту тему поговорить. Он

человек словоохотливый очень. Он словоохотливый, общительный очень такой... Ну, я над ним по этому поводу подтруниваю. Его это раздражает. Его девушка мне не понравилась, понимаешь ли. Так он обиделся.

Вопрос: (смех) А ты так и сказал, что ты думаешь по поводу его девушки?

Ответ: Конечно, сразу. Ну мы с ним, я говорю, достаточно давно знакомы.

Вопрос: Ну, вот расскажи, пожалуйста, когда вы познакомились? И какого рода у Вас отношения?

Ответ: Когда познакомились. Когда я пришел в (название организации), это было, наверное, в 89 году. Одновременно практически с ним пришли, то есть, по-моему (неразб.) Нормальные отношения такие. Товарищеские, скажем.

Вопрос: П. (имя информанта), а сюда кто раньше пришел – он или ты?

Ответ: Сюда тоже одновременно. Дело в том, что я здесь работаю в штате, а он работает по договору. Но примерно в том же объеме. Занимаемся одним и тем же. Работаем вместе. Нас как бы двоих и взяли на эту тему.

Вопрос: Ну, в общем, у вас я смотрю отношения, судя по дневнику опять же, вы, с одной стороны, встречаетесь вроде бы только на работе, но обсуждаете такие проблемы личного плана?

Ответ: Ну, да. Поскольку я семейные дела его знаю. Потом очень хочется поделиться с кем-то. <...>

Вопрос: То есть за рамки работы выходят отношения?

Ответ: Ну, в общем-то, да. Так выходит. Не сильно, но выходят.

Здесь мы видим, что Б. для информанта не только «коллега», то есть не просто «сотрудник той же организации» или «товарищ по работе» [6, с. 251], как можно было бы понять формально, а человек, с которым у информанта сложились доверительные отношения, имеющие долгую историю (знакомство длится 10 лет). Они бывают друг у друга в гостях, совместно пьют водку, их общение явно выходит за рамки идиомы «товарищи по работе».

Таким образом, через интервью мы уточняем информацию дневника. На данном примере видно, что для информанта агент сети Б. играет роль «исповедующегося», «человека-делящегося-семейными-проблемами».

Именно применение дневника позволяет разделить поле социальной сети, исходя не из привычных конструкторов характера отношений: родственники, друзья, коллеги, соседи, а опираясь на содержание реально происходящих интеракций, то есть рассматривая содержание отношений. Параллельное использование данных дневника, демонстрирующих практическое функционирование сети и материалов интервью, отражающих сетевой дискурс информанта, привело нас к селектированию сетевого поля по ситуативным типам интеракций, что кажется более релевантным для исследования функций сетевых связей (например, не «родственник», а «человек-с-которым-за-чаем-говорят-о-детях»).

Использование только лейтмотивного интервью не позволило бы осуществить такого рода секвентацию, поскольку мы бы имели дело лишь с дискурсивной характеристикой сети, которая лишена подтверждения в практиках повседневной жизни.

Дополнительным аргументом в пользу применения дневникового метода при изучении сети являются наши попытки анализа сетей по материалам биографических, слабоструктурированных интервью, которые мы собирали в рамках проекта «Организация повседневности и воспроизводство социальной структуры». Несмотря на значительный объем интервью (примерно 60-80 минут), информация, связанная с социальной сетью информантов, была весьма скудна и отрывочна, хотя интервьюеры задавали общие вопросы в этом направлении. В первом биографическом интервью уже упомянутого чиновника его «коллега Б.» вообще не встречается, а на страницах дневника он упоминается три раза, в последующем лейтмотивном интервью оказывается, что они общаются на протяжении десяти лет. В другом случае - инженера (ж; 1950 г.р.) мы на протяжении всего биографического интервью получаем информацию о жизни разведенной женщины, которая одна воспитывает сына (ему на момент интервью было 26 лет). Они живут вдвоем в двухкомнатной квартире. И из анализа первого интервью кажется, что отношения между ними если и не

близкие, то тесные точно (у них общее хозяйство, едят вместе, телевизор один на двоих и т.д.). В дневнике же мы встречаем только два упоминания о контактах с сыном за две недели. Последующее лейтмотивное интервью проясняет эту ситуацию.

Вопрос: Так, первое. Я задам некоторые общие вопросы, а потом пойду просто по дневнику. Потому что тут странно, за две недели сын появляется дважды.

Ответ: Я знаю. Да.

Вопрос: Вы с ним общаетесь или вот вы просто не видите почти, вот так получается?

Ответ: Нет. Мы общаемся как: «здрасьте - до свидания»... и все. Ну, практически все. Нет, ну какие-то ничего незначащие фразы, которые я, естественно, не привожу.

Вопрос: Ну-у... нет ничего такого?

Ответ: Достаточно редко, то есть вот за эти две недели, я прекрасно понимаю, что это Вас удивляет, но вот так было.

То есть, исходя только из глубинного, слабо структурированного интервью мы получили искаженное представление о взаимоотношениях матери с сыном. Рассказы информанта об их жизни вдвоем были окрашены материнским дискурсом, презентующим теплые семейные отношения. Дневник отразил другую картину, а лейтмотивное интервью по дневнику дало необходимые разъяснения противоречивых данных первого биографического интервью и дневника.

Это подтверждает наше предположение о том, что интервью само по себе (без использования дополнительных методов) не является адекватным инструментом для исследования социальных отношений и социальных связей. В отличие от глубинного интервью дневниковый метод позволяет анализировать не только дискурсивные модели информанта, но и его практические действия, которые могут различаться с их дискурсивной интерпретацией.

Тем не менее, мы использовали собранные перед заполнением дневников биографические интервью для формирования

представления об историческом (биографическом) контексте возникновения и развития сети. Например, соотнося информацию об агентах персональной сети с личной биографией актора сети, мы можем видеть как, откуда и через кого в жизни нашего информанта появляются новые люди, отношения, связи.

Кроме того, сравнивая «сетевые фрагменты» биографического интервью с дневниковыми данными и материалами интервью по дневнику, можно заметить, что в биографическом интервью информант часто упускал из виду повседневные рутинные связи, которые, исходя из материалов дневника и второго, лейтмотивного интервью, в принципе, и составляют ткань его повседневности (как в примере с «коллегой Б.»).

Таким образом, используемый нами подход опирался на триаду - глубинное биографического интервью, дневник контактов и лейтмотивное интервью по дневнику. Такой комплексный (триангулятивный) подход, осуществленный в рамках качественной «микроровневой» парадигмы позволяет наиболее полно и глубоко изучать персональные сети.

Перспективы развития дневникового метода

Применение дневникового метода можно распространить и на другие, смежные с сетевым анализом, области исследования.

а) Исследование динамики развития сети

Исследование динамики развития персональной сети обычными методами качественной социологии такими, как глубинное, неструктурированное интервью и включенное наблюдение, весьма затруднительно. В интервью информант, вероятно, не сможет восстановить в достаточной мере картину изменений своих связей и отношений за длительный период, а если и сможет, то его рассказ будет отражать лишь его современную перспективу. Участвующее наблюдение социальной сети само по себе проблема-

точно, а уж длительное тем более. Для адекватного разрешения этой социологической задачи можно, как нам кажется, использовать технику анализа «документов жизни» в сочетании с дневником социальной сети и двумя лейтмотивными интервью. В этом случае социолог начинает с изучения различных «документов жизни» информанта, таких как старые телефонные книжки, списки приглашенных гостей, старые фотоальбомы и пр. Используя эти материалы, можно провести лейтмотивное интервью, причем оно будет опираться не столько на возможности памяти информанта, сколько, в первую очередь, на документы его «личной истории». Изучение прошлой композиции сети уменьшает опасность упустить какие-то ее существенные блоки. Полученные материалы можно сравнивать с данными дневника, который информант заполнит, следуя интересующей исследователя форме. А затем, посредством второго лейтмотивного интервью, исходящего из уже имеющейся информации о прошлой композиции сети и материалов дневника о ее настоящем состоянии, можно прояснить процесс развития сети во времени.

б) Исследование режима повседневности

Дневник также может быть использован для изучения режима повседневности и составляющих его рутинных практик. Исследования повседневности, опирающиеся, в основном, на методы участвующего наблюдения, часто сталкиваются с проблемой понимания intersубъективного смысла наблюдаемых действий. «Некоторые социальные процессы недоступны наблюдению социологов,.. потому что только участники могут сообщить о содержательных процессах...» [18, с. 17]. Интервью здесь тоже не всегда способно оказать необходимую помощь, поскольку оно представляется актом публичным, и являющимся в значительной степени презентацией и «переводом» смысла произведенных действий на язык, понятный исследователю. Мы допускаем возможность создания такой формы для дневника, где эти неизбежные

искажения «перевода» сводились бы к минимуму. Тогда, благодаря активной личной вовлеченности объекта исследования (актера) в исследовательский процесс, открываются возможности для более глубокого проникновения в ткань его повседневной жизни. Социолог получает возможность обнаружить нерелексированные, скрытые аспекты повседневной деятельности акторов. Таким образом, дневниковый подход может частично заменить (или дополнить) методику участвующего наблюдения. Он открывает возможности не только для сетевых исследований, но также и для изучения повседневной жизни.

Заключение

Дневниковый метод принадлежит традиции «микроанализа». С его помощью нельзя описать распространенность или частотность того или иного социального феномена или явления. Он направлен на изучение случаев, но это не значит, что его научный потенциал ограничен.

Дневниковый метод не является самодостаточным социологическим инструментом. Использование его в отрыве от других методов качественной социологии не дает значительных результатов. Но при триангулятивном подходе дневниковый метод может принести огромную пользу, особенно при изучении социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рона-Гас А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396-411.
2. *Уэллман Б.* Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. №6. С. 78-87.
3. *Штейнберг И.* Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 227-239.

4. *Валитов В.* Социальные сети российских эмигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. №1/2.
5. *Цураков А.* Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. №1. С. 109-121.
6. *Ожегов С.* Словарь русского языка. Русский язык, издание пятнадцатое, стереотипное / Под ред. Н. М. Шведовой, 1984.
5. *Scott J.* Social Network Analysis: a Handbook. L.: SAGE Publications, 1991.
6. *Social Structures: a Network Approach* / Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
7. *Emirbayer M., Goodwin J.* Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. No.6. P. 1411-1454.
8. *Burt R.S.* Models of Network Structure // Annual Review of Sociology. 1980. No.6. P. 79-141.
9. *Радаев В.* Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
10. *Стендинг Г., Четвертина Т.* Загадки российской безработицы (по материалам обследования Центров занятости Ленинградской области) // Вопросы экономики. 1993. №12.
11. *Черныш М.* Социальная мобильность в 1986-1993 годах // Социологические исследования. 1994. № 1.
12. *Силвермен Д., Уоли Д., Филипсон М., Филмер П.* Новые направления в социологической теории / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978.
13. *Lonkila M.* Social Network in Post-Soviet Russia: Continuity and Change in Everyday Life of St. Petersburg Teachers. Helsinki: Kikimora Publications, 1999.
14. *Espaces, temporalites, stratifications. Exercices methodologiques sur le reseau* / Ed. by M. Gribaudi. Paris: Editions de l'Ecole Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1998.
15. *Barth F.* Scale and Network in Urban Western Society // Scale and Social Organization / Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
16. *Вернер Ф.-Х.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е. Мещеркиной, В. Семеновича. М., 1994.
17. *Barnes J.A.* Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. No.7. P. 39-58.
18. *Bott E.* Family and Social Network. 2'd ed. N.-Y.: Free Press, 1971.